

С. И. Степанов

О мире видимом
и невидимом
в произведениях
М. Булгакова

РАЗРУХА
В ГОЛОВАХ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
УДК 821.161.1Булгаков.06
С 794

Степанов С. И.

С 794 О мире видимом и невидимом в произведениях М. Булгакова.
Разруха в головах. — СПб.: Алетейя, 2011. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-91419-532-5

В книге рассматриваются мистические и религиозные аспекты творчества М. Булгакова на примере произведений «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Роковые яйца», «Собачье сердце». Для полноты анализа привлекаются черновые наброски писателя, дневниковые записи, высказывания близких ему людей и его современников. Для определения понятий религиозных в качестве источников используется духовная литература.

Книга иллюстрирована Николаем Самоуковым.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
УДК 821.161.1Булгаков.06

ISBN 978-5-91419-532-5

© И. С. Степанов, 2011
© Н. Самоуков, иллюстрации, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Многим запомнилась фраза умного, обаятельного, ироничного персонажа М. Булгакова, профессора Преображенского, о революционерах, ставших правителями России: «разруха не в клозетах, а в головах» (19, 191). А ведь необходимости напоминания в XX веке этой бесспорной истины могло и не быть, послушай ещё в XIX веке русские люди своего другого знаменитого писателя, Ф. Достоевского. Именно он в романе «Бесы», устами не вполне здорового губернатора А. Лембке, произносит грозное – и оставшееся без должного внимания – предостережение: «Пожар в умах, а не на крышах домов» (40/9/58-59). Связь пожара с бесовскими силами самым очевидным образом М. Булгаков выразил фразой одного из персонажей романа «Мастер и Маргарита», Коровьева: «Мы здесь недалеко, на Садовой, где пожар» (20, 448).

«Разруха в головах» не только для профессора Преображенского, но и для самого М. Булгакова являлась причиной всех бед, переживаемых и Россией, и её народом. Это понятие является ключевым в творчестве писателя. Хотя разруха в произведениях Булгакова имеет множество видимых проявлений во всех сферах жизни, мы исходим из того, что её природа относится именно к сфере невидимого мира, поскольку находится в области взаимоотношений человека и Бога. С нашей точки зрения, повреждённый ум для М. Булгакова – синоним «мерзости запустения», т. е. порабощения ума бесами. Читаем у митрополита Иерофея (Влахоса): «Преподобный Максим, ссылаясь на слова Господа: «Итак, когда увидите мерзость запустения... стоящую на святом месте» (Мф. 24, 15), говорит, «что место святое есть ум человеческий, в котором демоны, опустошив душу страстными помыслами, поставили идола греховного» (63, 132).

В историческом плане становление и развитие М. Булгакова как писателя пришлось на время борьбы большевиков за власть, а также на годы их правления. То есть страной руководили последователи русских нигилистов, осуждённых ещё Ф. Достоевским.

В 1919 г. А. Куприн высказал вполне справедливое мнение, связывающее революционеров с нигилистами XIX века: «может быть, современные потрясатели всемирного покоя – всего-навсего лишь преемники старого нигилизма...» (19, 683). Трагизм русской истории, к сожалению, лишь подтвердил правоту А. Куприна.

Для М. Булгакова 20-х годов понятие «разруха», безусловно, являлась одним из наиболее актуальных для осмысления большевистских преобразований. Это было замечено современниками. «Рассказы Булгакова цельны, выдержанны, единое в них настроение и единая тема. Тема эта – удручающая бессмыслица, путаность и никчемность советского быта, хаос, рождающийся из коммунистических попыток строить новое общество» (18, 157), – писал Л. Авербах в газете «Известия» (20 сентября 1925 г.).

К бесспорному сожалению, и после смерти М. Булгакова многие его оценки и предостережения, в первую очередь о том, что причина разрухи и гибели – внутри нас самих, остались не востребованы. В результате до сих пор огромные и даже героические усилия целого народа по обустройству России не приносят должного результата по одной-единственной причине: «разруха в головах» лишь прогрессирует. Мы, подобно персонажу последнего булгаковского романа, буфетчику Сокову, не задумываемся о ней: «А на голову не обращайтесь внимания, не имеет отношения», – беззаботно говорит он о ранах, нанесённых ему нечистой силой (20, 318).

Всё более и более, уже на своём печальном опыте, мы убеждаемся, что причиной видимой ныне реальности, имеющей очевидные признаки распада – детские наркомания, проституция, алкоголизм, повсюду проникшую коррупцию, – и теперь является эта самая разруха, которая по-прежнему гнездится в наших головах.

«Разруха в головах»... Смысл этого термина нельзя понять без библейских текстов: «Вот, нечестивый зачал неправду,

был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадёт на его темя» (Пс. 7, 15-17). Вспомним, что в одном из ранних вариантов романа «Мастер и Маргарита» упоминается молния, именно в голову поразившая двух персонажей. При этом фамилия одного из них призвана напомнить евангельский смысл такого события: «На головы Библейского и Ньютона обрушилась...молния» (14, 49), – именно такими неожиданными словами Булгаков изобразил ординарное событие – доставку телеграммы в Варьете.

Мир невидимый вполне осязаемо проявляет своё могущество не только как причина гибели, но и как источник нашего спасения.

В романе М. Булгакова «Белая гвардия» Алексей Турбин чувствует во сне «...сладостный трепет, который никогда не испытывает человек наяву», когда беседует с находящимся в раю Най-Турсом (9, 57). Это именно *неземные* радость и гармония, недостижимые, как правило, для остальных персонажей писателя, которые оторваны от Бога, а потому лишь постоянно ощущают неполноценность земного бытия, ограниченного *этой* жизнью.

Нельзя не согласиться с протоиереем Александром Меньем, утверждавшим: «Связь между Богом и человеком – в религии, это связь, которая соединяет разорванное, разлученное» (76, 217).

Борьба М. Булгакова со своим собственным чувством отставленности Богом, с окружающим его агрессивным атеизмом заставляет и самого писателя, и его героев (по крайней мере, тех, которым он хоть немного сочувствует) задуматься о ценностях действительно вечных, нетленных, являющихся той единственной основой, которая позволяет человеку достойно жить, и достойно умереть. Участь же тех, кто не готов к смерти, ужасна без всякого преувеличения: вспомним М. А. Берлиоза, высшая степень разрухи в голове которого как бы иллюстрируется тем, что эта самая голова была вначале отрезана трамваем, а потом похищена нечистой силой.

Таким образом, если приближение к вере в Бога благотворно влияет на булгаковских героев, то их самонадеянный атеизм является источником гибели. Вера и неверие в их религиозном смысле – важнейшие философские категории для

Булгакова-писателя. Поэтому без анализа форм и специфики этих двух тем прочтение и интерпретация его произведений представляются нам, как минимум, недостаточно полными и объективными.

«Отнимать у Достоевского религию или... отнимать уверенность в том, что Достоевский действительно твёрдо верил в Бога и бессмертие, значит совсем не понимать Достоевского» (69, 119), – эти слова Оскара фон Шульца, с нашей точки зрения, в известной степени применимы и к Булгакову. Не вызывает возражений и мнение Г. Лесских: «... мы рискуем ничего не понять в произведениях Блока, Булгакова, Пастернака о русской революции, если откажем этим авторам в глубокой религиозности, но более того – ничего не понять вообще в русской духовной жизни» (59, 218).

Следует признать, что на первом месте в творчестве М. Булгакова находится изображение именно трагических для человека последствий «разрухи в головах», то есть неверия в Бога. Причём творческая манера писателя с течением времени существенно изменилась, что видно по следующим примерам.

В первом романе, «Белая гвардия», Елена узнаёт о предательстве (очевидном и безусловном следствии неверия в Бога) своего мужа из письма, освещаемого лишь «пучком света», исходявшего от лампы с абажуром (9, 286).

В последнем романе, «Мастер и Маргарита», «пучок света» превращается в явное художественное преувеличение – «тысячесвечовые лампы», освещавшие то, что осталось от М. Берлиоза после его смерти (20, 173). Эта, безрадостная сама по себе, картина становится поистине трагичной, когда мы узнаём о жуткой посмертной участи этого персонажа, оказавшегося во власти дьявола. В другом эпизоде, М. Булгаков использует «яркий свет сильнейших уличных фонарей» (20, 261), чтобы читатель вернее разглядел результаты обмана Воланда и его свиты – факт исчезновения одежды у зрительниц Варьете на улице, то есть в самый неподходящий момент.

В обоих эпизодах ярчайший свет – как будто последний крик М. Булгакова, призывающего *не верить в лживые дьявольские обещания*. То обстоятельство, что яркий свет писатель считает в своём последнем романе более подходящим, нежели

просто лампа с абажуром из «Белой гвардии», доказывает нам, что М. Булгаков всю изобразительную силу своего таланта использует, чтобы напомнить эту, простую и важную, но далеко не очевидную для нас истину.

Другой особенностью у М. Булгакова стало изменение соотношения повествователь/автор. Если в «Белой гвардии» повествование ведётся от лица самого писателя, то уже в следующие повести – «Роковые яйца», и особенно «Собачье сердце», – проникает речь персонажей, которые лишь «случайно» могут высказывать мысли, близкие самому писателю. Безусловно, дистанцирование М. Булгакова от повествователя является следствием самоощущения писателя чужим в строящемся советском рае на земле.

Главным препятствием в принятии писателем большевистских преобразований явились беспринципность и атеизм, ставшие основой новой политики. Раскрытие своеобразия тем веры и безверия, смерти и жизни вечной во многом обусловлены особенностями мировоззрения М. Булгакова и эпохи, а также самой природой художественного творчества. Об этом мы поговорим в первой части работы.

